

ЕКАТЕРИНА ПОЛУХИНА

Боги Олимпа

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Екатерина Полухина

Боги Олимпа. Любовный роман

«Издательские решения»

Полухина Е.

Боги Олимпа. Любовный роман / Е. Полухина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938645-8

Несмотря на обложку, эта книга не о пресловутых богах, живших тысячи лет назад на земле. Это курортный роман между молодыми людьми, который перерастает в настоящее, красивое чувство — любовь. Но это они понимают не сразу. Им приходится пройти через испытания и перипетии жизни, чтобы понять, что это не просто симпатия или влюблённость.

ISBN 978-5-44-938645-8

© Полухина Е.
© Издательские решения

Боги Олимпа Любовный роман

Екатерина Полухина

© Екатерина Полухина, 2018

ISBN 978-5-4493-8645-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ну, наконец-то все позади: Москва, работа, подруги, Макс. Море! Она так давно мечтала об этом, чтобы море и она, и больше никого знакомых рядом.

После смерти родителей, ей приходилось все время слышать только сочувствие, от знакомых, подруг, да и просто от всех людей, которые встречались на жизненном пути. Даже Макс, говоря о своей любви, говорил это так, как бы сочувствуя ей.

Нет, хватит, хватит. Она устала от всего этого. Боль в душе нельзя было заглушить сочувствием этих всех людей. Наоборот, они рвали ей сердце и каждое сочувствие, возвращало ее снова в то время, назад на два года.

Родители так любили друг – друга, что не могли жить, не чувствуя один другого рядом. Работа, дом, отдых – все вместе. Они не надоели друг – другу, долгих тридцать лет совместной жизни. Вели себя так, словно только что встретились. Только что полюбили друг – друга. Все вместе: и горе, и радость.

Два года назад родители погибли в автокатастрофе, когда они ехали из Пярну. Маленький прибалтийский городок, такой чистенький, ухоженный. Они так любили там отдыхать, когда уже Кэт выросла, она же любила отдыхать на Чёрном море с самого детства и в отличие от них никогда не изменяла своим правилам.

Этот город был городом их молодости, когда еще после вузов, распределением, разбрасывали молодых специалистов, в разные уголки СССР. Она, из центрального Черноземья, а он, из-под Омска, встретились в этом крошечном городке и полюбили. Друг друга и Пярну. Потом они переехали в Москву, их пригласили в НИИ, но этот малюсенький городишко, остался их любимым городом; с его тихими улочками, с буйством цветов в палисадниках, с его невероятной чистотой. Он их познакомил, он их и забрал на небо, так и не разлучив.

После того, что случилось с родителями Кэт, так называли все ее друзья и подруги, может это дань приходящей моде, а может за то, что чем-то была похожа на англичанку: длинноногая, стройная. Овальное, чуть удлинненное лицо, огромные зеленые глаза, нос прямой, рот большой, с ярко очерченными, чувственными губами. Длиннющие, пушистые ресницы, брови в разлет, уходили к самым вискам. А уж о волосах отдельно: длинные, распущенные волосы, облаком окутывали ее фигуру. Даже не пользуясь новомодными шампунями, они вызывали зависть всех женщин, хоть когда завязывала шикарный, конский хвост, хоть когда, вымыв голову, оставляла волосы в беспорядке, не заботясь о том, как они лежат. Они были, словно облако, освещенное заходящим солнцем. Медные, блестящие и тяжелые. Сколько раз подружки соблазняли ее: да сдай ты их на шиньон, пусть еще кто ни будь, почувствует радость от такой шевелюры. Или ты жмот, и единоличница, и не хочешь делиться? Ведь волосы не ноги, отрастут. А сами завидовали ей и хотели, чтоб она избавилась, хоть на время от этой своей красоты, что так бесила их.

Она была плодом огромной любви их и, наверное, поэтому тоже искала в жизни чего-то такого, особенного, не земного. Макс увлек ее, но и только. С ним было не скучно, но это было далеко не то, о чем она мечтала.

Раньше, она хохотушка и заводила во всех мероприятиях, теперь будто умерла, вместе с мамой и папой. Ей до сих пор казалось, что это все розыгрыш. Чей-то жестокий, страшный, но розыгрыш. Не могли они уйти от нее вот так, внезапно, ведь она же еще и внуков им не подарила, хотя обещала: как только, так сразу. Она не верила в то, что больше их не увидит, что больше не будет такой любви, как у них. Она же была желанным, любимым, самым-самым ребенком. Дочурочкой, котенком, ангелом. И вот все. Темнота, холод. Она думала, что не отойдет, не отогреется ни когда.

Но, наверное, молодость взяла свое. Она продолжала, есть, спать, улыбаться, даже флиртовать, а значит жить. Подруга Наташка, всегда была рядом, а преданней её, была только мамочка. Макс старался в меру своих сил и возможностей, но все это было не то, она даже близости с ним не позволяла, хотя встречались уже полгода и это из ряда вон, по меркам их друзей и подруг. Это или, слабак в сексуальном плане, или, не любит тебя Кэт, – поддразнивали они её. А она и не сокрушалась, говорила, что просто хотят повременить, узнать друг – друга поближе, получше. Куда же спешить? Успеется ещё.

А сама хотела любви неземной, как у мамы с папой. Чтоб и умереть вместе и в один день. Чтобы и после смерти, там, куда они попадут, он поднял её на руки и понёс туда, где господь уготовил им место. Да нет, туда, где они заработали своё место, живя на земле. Ведь только здесь, мы зарабатываем жизнь в загробном мире.

В отличие от родителей, она любила южное море, предпочитая Черное. Почему Черное? Ведь оно такое синее – синее, синей не бывает. Такое ласковое, теплое; такое доброе и понимающее. Оно не будет беречь раны, оно будет только лечить их.

После того, как Наташа влюбилась в очередного бойфренда, она немного отдалилась от неё. С Максом они разругались, по поводу разногласий по работе, они работали вместе менеджерами в одной фирме. Она, не сказав ни кому, ни слова, укатила в черноморскую станцию Ахтырская.

Почему туда? Когда то, когда Кэт была ещё крохой, с весёлыми рыжими косичками, там жила тетя ее мамы, Ритуня, так она называла ее в детстве и они всей семьёй отдыхали только у неё. Бабы Ритуни давно уже нет, а Кэт по старой привычке любила ездить именно туда, но теперь уже к Ленуське, это соседка Ритуни.

Вот уж действительно красавица – казачка. Полста лет, это ничего не сказать об этой женщине. Сдобная, дородная, с высокой грудью. Бёдра крутые, руки – ноги сильные, а стопа – маленькая, щиколотки – тонкие. Узкая, сильная ладонь, с тонким запястьем. Алый рот, цыганские глаза, с огненным взглядом, в обрамлении чёрных, густых ресниц. На щеках ямочки. А уж косы – то, косы и в правду говорят – до пят. Когда расплетала их, можно было укрыться полностью, не одеваясь вовсе одеждой. А всё это – виноградная лоза, это Ленуська знала точно. Это её отвары чудодейственные, делали её волосы такими. Косы она укладывала вокруг головы, в несколько рядов. Настоящая корона получалась. Сама так шутила: Если бы не было, такой задницы, то голова клонилась бы к земле назад. Бог всё рассчитал, чтоб не было перевеса. А уж смеялась, что твой погром. И хозяйка была отменная. Смолоду, чистюля, какую поискать; на все руки мастерица: шить, вязать, вышивать, бельё от крахмала ломается прямо. Везде чистота, порядок, как в доме, так и в обширном дворе. Муж и дети ухожены, накормлены. На столе всего наварено, напарено, чтоб ни каких там чипсов, да блюд, быстрого приготовления. Не любила она этого никогда.

Муж, Дмитро, любил её до беспамятства, но уж больно ревнивым был. Готов был следом везде ходить. Но видно жизнь не всегда проживёшь, как хотелось бы. Ушли мужики в путину, на рыбалку, да и сгнули. Поднялся шторм, и не вернулись они больше домой, что её муж, что бабы Риты, дед Петро. Но, как бы ни было им нестерпимо плохо и невыносимо, больно, от их вдовьего положения, горе их не сломило. Подруги держались вместе. Баба Рита не оставляла Лёну в горе, как и до недавнего времени, её Дмитро. Она всё говорила: Мы то, что, своё пожил; детей у нас нет, бог не дал нам счастья, побыть родителями, а ты, совсем другое дело. Но гляди, горе – горем, а одна долго не оставайся. Молодость, она ведь только раз даётся. А ты вон, что яблоко в соку, надкуси – брызнет сок во все стороны. Не жди, пока превратишься в сухофрукт. Вон у нас, сколько казаков свободных, а тебя не только вдовец, тебя любой молодец схватит, облизнётся. А уж как Михайло то глядит на тебя, так впору растаять, да прямо в загс и мчаться. Да не передумай только и не будь дурой – то, жизнь она одна всего. Вот, и кумекай правильно.

Но Лёна, ни о ком не хотела слышать. Подниму детей сама, не хочу чужого дядьку детям принимать, негоже это. Любили они батьку, да и он в них души не чаял, ты знаешь, как никто лучше. Жили они почти одной семьей, забор делил дворы, только для видимости.

Вот Кэт и отправилась туда. Десять минут ходьбы до моря, обилие фруктов и овощей, отличная форель, которую Кэт любила с детства. Единственный ребенок знал вкус многих деликатесов. А ещё, она очень любила Ленуськино постельное белье. Так, как крахмалила белье Ленуська, не могла даже ее мамочка, царство небесное им обоим с папой.

Но дело не в форели, не в крахмале; ей нужно было уехать туда, только там она может прийти в себя. В финансовом плане она была подкована на все сто процентов; от родителей досталось прилично, да и зарабатывала она немало. Она могла бы и вовсе не работать, но воспитана была в духе: только своим трудом, ты можешь украсить землю. Тунеядство в их семье, считалось пороком.

Забрав свои вещи из грузового отсека, Кэт почти побежала по центральной улице станции. Вот сейчас, первый переулочек налево и дом Ленуськи, а самое главное оно, черное – синее море. Она даже не стала заходить в дом, чтобы увидеть Ленуську. Ведь это значит все вспомнить, даже здороваясь, а она ехала сюда забыть; забыть хоть на время свое страшное горе. А Ленуська не обидится, она все поймет, ведь это же Ленуська.

Здравствуй моё Черное – синее море! Ты видишь, я снова с тобой! Ты соскучилось по мне? Я очень, очень! Ты ждало меня, мое море? Она вот так, как была, прямо в одежде, вошла в еще не остывшую, утреннюю воду. Парное молоко, – сказала бы Ленуська.

Она искупалась, заплыв на приличную дистанцию, и выйдя на берег, опять же, как была, в одежде, с которой лилось ручьями, с мокрым узлом волос – рассмеялась. На душе было хорошо, как-то чисто, легко-легко.

Пляж был почти совсем пустой. Кое – где, встречались парочки, как и она, выкупавшись в утренней воде, они бежали отдаться богу Морфею, после ночи любви, проведенной прямо на песке, у волны, обнимавшей тихо и мягко, словно еще один любимый; но, обнимая сразу всех, и не ревнуя, никого и ни к кому.

Ох уж это Черное – синее море! Как же оно может любить! Ничего, не прося взамен, обнимая всех сразу и отдавая всем сразу свое тепло, заботу и ласку.

Оглянувшись назад, Катя махнула рукой, будто, прощаясь. Пока! Пока! До вечера моё море, – прокричала она, и весело подхватив свои туфли, и прямо босиком, не считая капроновых колготок, буквально пробежав метров пятьсот, очутилась в тихом, уютном дворике.

Везде блистало чистотой. Буйство цветов, петух распевал свою утреннюю песню. Коровы уже не было во дворе, хотя было ещё очень рано. Рано для городских жителей, как она. А в станице, в шесть часов утра – уже чуть не полдень; а если сезон уборки овощей или фруктов, так все станичники готовы ночевать на плантации, не живя и вовсе дома. Главное урожай, удобства и всё остальное, потом

Здравствуй доню! Катеринушка моя, девонька любимая! – пропела Ленуська и обняла мокрую девушку. А ты значит сразу здороваться со своим Черным – синим морем? Ну, быстрее, быстрее в душ, да молочка парного попей. И спать, спать. Чай, все ночь не спавши, вон глазницы в темных кругах. Да худющая-то, худющая. А волосы-то, волосы – золото свое – быстрее промой шампунем, там у меня на травах в душе стоит. Не HEAD&SHOULDERS, но и не хуже. Вода-то соленая, а вот приду с работы, так уж сделаю отвар тебе из виноградной лозы, вот уж тогда сама промою твоё золотое руно. Уж заискрится, засветится, заиграет! Разве ж в городе можно промыть твои волосы, той водой, какую вы пьёте бедняги, бельё стираете, да и моетесь?

Она все говорила, говорила, как будто спешила, куда – то. Это все от того, чтоб не расплакаться, – знала Катюша. И она была благодарна ей, этой добрейшей из добрейших женщине; самой потерявшей сына, Женьку – в Афганистане, мужа в море – в путину.

А, та, прямо на ходу раздевала девушку, будто она маленький ребенок, и сама все продолжала говорить. Проводив Катюшу в душ, она занесла ее поклажу в дом.

Ну, там уж чистота была, что тебе в церкви. Кровать, где всегда спала Катя, она никогда и никому не расстилала, хоть и немало гостей бывало у нее. Дети, внуки, племянники. Да места то хватало всем; дом, срубленный еще покойным супругом, мог вместить не один десяток гостей. Она приготовила Катюше постель, накрыла на стол, укрыв все вышитым рушником. Вышла во двор, звать гостью. Ты донюшка мойся, ешь, да и спать, а я на плантацию. Ранние помидорки – то, уж готовы, вот – вот начнут лопаться, не дай Бог, так уж успевай, поворачивайся. А то же, в раз, станут некондиционными. В обед я приду: поросю кормить, корову доить, да и тебя девонька надо начинать откармливать сразу, а то вон мяса, то на тебе видно совсем нет. Вода в море соленая, просолит тебя до костей и будешь ты, что твоя вобла.

Увидев, вышедшую из душа Катерину, она прижала ее к груди, чмокнула в обе щеки и быстро пошла со двора, покачивая бедрами. Оглянувшись, добавила: Спи, не волнуйся ни о чем, моих, еще ни кого нет, не приехали. Никто тебя не потревожит. Храни тебя господь, голубка моя!

Кэт уснула мгновенно. Во-первых: в автобусе не удалось даже подремать, плакал всю ночь ребенок. Когда ребенок плачет всю ночь, это не очень приятно. Она не против детей, она даже родителям обещала не менее троих внуков, двух мальчиков и девочку (девочкам намного тяжелее живется на этой грешной земле). И сама всегда жалела о том, что нет у неё ни брата, ни сестры. Это, наверное, так здорово, иметь родных братьев и сестёр! Она не знает этого чувства.

Во-вторых: было ужасно душно, из-за ребенка окно нельзя было открыть; она уже была большой девочкой и знала, что ребенок и открытое окно в транспорте, не совместимо. У ее некоторых подружек имелись уже свои карапузы, с которыми она с удовольствием любила возиться. Это еще одно средство, забыть свое страшное горе, хотя бы на какое-то время. Когда она нянчилась с детьми подруг, она как бы сама возвращалась в детство, а детство у нее было, только позавидовать. Ребенок огромной любви, ребенок желанный изо всех сил, ребенок, доставляющий родителям только радость. Они молились на нее, как на икону, но она выросла неизбалованной, доброй, отзывчивой на чужую проблему; внимательной, ласковой и очень красивой. Эос – богиня утренней зари – называл ее папочка. Откуда это имя?

Ещё, будучи мальчишкой, пристрастился он к книжкам про историю, рассказывающую о жизни всемогущих, живших на Олимпе. Дальше, больше, увлёкся, что называется по уши. Мечтал, окончив школу, поступать на исторический. Но жизнь диктует свои правила. Не получилось. Не сбылась его детская мечта. По воле судьбы ли, случая, он стал учёным совсем в другом направлении, но с мечтой совсем не расставался. Нет, нет, да и воплощал в жизнь некоторые моменты из любимой истории. Называл, к примеру, своих любимых девочек, жену и дочку, именами прекрасных богинь, что украшали землю много тысяч лет назад.

Да, она была богиней рассвета, тут уж не поспоришь. Такая же, румяная, весёлая, с золотыми волосами, розовой, бархатистой кожей. И вставать любила, чуть свет забрезжит в окнах. Богиню эту она сама видела в книгах, что многочисленно заполняли их книжные полки. Мечта папина не сбылась, но литература так и осталась.

Проспав часа четыре, может чуть больше, она проснулась и чувствовала себя вполне отдохнувшей. Солнце играло с ее волосами, рассыпая блики по стене, на которой висело множество портретов. Все они укрыты вышитыми рушниками. Да вообще все, абсолютно все в доме, вышито очень яркими, шерстяными нитками. Всякие: занавесочки, накидушечки, наволочки, покрывала. Портьеры на окнах, дверях; скатерть на столе, подзоры, на всех имеющихся в доме кроватях. Все полотенца, сколько бы их ни было в этом доме. И когда только успевала все, эта женщина? Трое детей, хозяйство, работа.

Правда теперь, когда дети выросли, жизнь её радикально изменилась. Жила у моря, а дети жили далеко в городах, приезжая со своими детьми в гости к ней, как обыкновенные, простые отдыхающие. Ну да это не наше дело. У каждого, своя планида, так говорила Ритуна.

Кэт смотрела на солнце, сквозь свои длиннющие, густые, черные ресницы и улыбалась. Господи, как же хорошо то; какая же ты умничка, что удрала от всех своих столичных друзей и подруг. СМС я им отослала, чтоб не искали меня; а сам телефон оставила дома, выключив: и его, и свою память. Хочу чего-то нового, чего-то, чего-то. Не знаю чего, но это что-то должно быть, должно случиться здесь и в этот раз.

И так размышляя, она сладко потянулась до хруста в костях и, вытянувшись, полежала ещё какое-то время. А и правда вымахала я, ну куда это, для девчонки – метр семьдесят восемь, это же коломенская верста. Вон Макс, метр восемьдесят, а кажется ниже меня, все туфли на шпильках, отдыхают в коробках. Ну, какой каблук, если и так, волосы в хвост завяжешь и уже ой, ой, ой. Но сюда взяла одну пару, просто машинально, а зачем, сама не знаю. Да, вдруг волейболист, встретится симпатичный. А вдруг он?

И так думая, обо всем этом понемножку, она задремала еще, и даже умудрилась увидеть сон. Нет, сам сон она не помнит ясно, а вот ощущения от него, было что-то. Кто-то целовал ее, ну прямо, как на яву. Она даже чувствовала, этот поцелуй и губы, как будто припухли, во всем теле осталась какая-то истома. Сердце бухало в груди, да что в груди, казалось оно готово выскочить из горла; соски затвердели и набухли, внизу живота была какая – то ноющая тяжесть.

Господи! Что это со мной? Нет, вернусь домой, разрешу Макс; хватит уже держать его на расстоянии. А то держится, но я – то вижу, чего ему это стоит. Да и решит, что я набиваю себе цену. Мужчины, они все одинаковые, как девчонка понравилась, так давай интим. Это девушка ждет, своего, единственного, да и то теперь, это уже не актуально. Ну не модная она,

не современная в этом плане, что тут подделаешь. Хотя, вон уже сны эротические снятся, вот тебе и не модная, вот и не сексуальная. Да, дела – делишки у нас, девчонки и мальчишки, скаламбурила она. Оказывается она сама тоже не прочь испытать эти чувства. А думала, что это глупости всё. Без взаимной любви, секс это пошло. Но видно организм требует своё, тут уж ничего не подделаешь. Организм не проведёшь.

Впервые, – Это – случилось в десятом классе. Она увлеклась Тимкой, а он любил её, кажется с самого первого класса. Ну и она думала тогда, что это навсегда. А оказалось, это совсем не то, о чем она думала, как себе представляла. Это получилось как то буднично и после нескольких раз в парке, в Сокольниках, она не хотела больше этого и их отношения сошли, на – нет. Тимка очень расстраивался, говорил, что все наладится, все придет, а она избегала его, а потом он ушел в Армию. Писал, что любит, что не может без нее. А она могла. Ничего не случилось, не рухнуло, и он перестал ей писать. А потом остался в армии, сейчас уже капитана получил, его мама хвасталась ее маме.

Нет. Об этом нельзя думать. Иначе, нужно будет уехать и отсюда, сразу же.

Она встала, аккуратно заправила кровать, убрала со стола и вышла во двор. Солнце жгло уже во всю мощь. Море отменяется, хотя бы часов до шести вечера. Она еще раз сполоснулась в душе, заглянула на скотный двор, с детства любила животных, еще, когда приезжала к своей Ритуне. Они с Ленуськой были закадычными подругами, хотя Ритуня была на двадцать пять лет старше Ленуськи. А вот же, дружились как сверстницы. У Ритуни тогда тоже было хозяйство, а мужья их вместе рыбачили, вместе и загнули. Но море тут не виновато, – бабы говорили, они сами сгнули, надо было этому случиться. А море, кормилец, его нельзя винить. Это плата за всё то, что даёт кормилица наша людям.

И вот уже и Ритуня ушла к своему Петру, ну а Ленуська за всех должна жить еще долго-долго. Ведь и Катерина в этом участвует, ну хоть ей – то она должна подарить внуков, раз уж ее самые родные этого не дождались.

Посмотрев, что корм и вода у всех животных в достатке, она вернулась в дом и стала разбирать свои вещи. Вещи все были яркими, модными. Всякие топики, шортики, маечки. А вот шикарное нижнее белье, а это еще что такое? Господи! Вечернее платье, как оно попало сюда? Да ведь и босоножки на высоченной шпильке? Абсурд просто, зачем эти вещи присутствуют в ее дорожной сумке?

Ну, уж раз они здесь, нужно же и их поместить в шкаф. В шкафу было пусто, как будто он ждал именно ее вещи. Ох уж эта Ленуська, ну просто чудо.

Распаковывая свои вещи, она как-то успокоилась, расслабилась. Какое-то умиротворение нашло на нее, совсем как в детстве, когда она была у Ритуни, длинноногая, медноволосая, девчушка, а местные мальчишки кричали ей вслед, рыжая-рыжая, рыжая, бесстыжая. Это обижало ее и удивляло, ну почему они так, зачем обижают? Ведь я им ничего не сделала плохого. Родители говорили ей: Да, они просто завидуют, что у них нет таких солнечных волос. Вот они и дразнятся, а как подрастешь, так все влюбятся в тебя, потому что не влюбиться в тебя, не возможно.

Опять. Нет. Так нельзя. Мне нельзя оставаться одной. А что делать? Сейчас придет Ленуська и все снова повторится, ведь они опять будут вспоминать. О чем? О ком? Господи!

Пойду во двор, может, там найду, чем заняться. А так нельзя, можно сойти с ума. Боже! Нет! Нет!

Она вышла снова во двор и, растерянно остановилась. В загоне у кабанчика кто-то стучал, да и сам кабанчик радостно похрюкивал. Ленуська уже пришла, а ко мне не заглянула, хотя рано ей еще прийти, – подумала девушка. Кто же это? Она ближе подошла к забору и увидела, дядьку Михайло, живущего через два дома от Ленуськи. Он по хозяйски, постукивал забор в загончике, а полы у кабанчика были мокрыми и уже приятно белели. Рядом лежал шланг, из которого лилась вода в корыто. У кур тоже была заменена вода, посыпан свежий корм, выметен вольер за сеткой, и сам дядька Михайло, что-то напевал себе в усы и был так доволен: то ли работой, то ли вообще жизнью.

Увидев девушку, он веселее блеснул белизной зубов, усы его приподнялись и, поклонившись девушке, он проговорил: – О Катеринка! Какая радость у Лены, ну молодец! Ну, умница! Не забываешь родных людей. Ай да девчушка! Ай да красавица! – А я вот тут, трошечки решил вот, по мужской линии, а то Лена придет на обед то, а ей то и Красулю подоить, и то, и се. А я вот тут трошечки решил вот, по мужской линии, она-то ведь женщина. И он как будто смутился, зарумянился и крякнул в усы. Да я ведь девонька, что дома то? Что не со всеми то, на плантации, – продолжал он? Так, мотор мой в груди, что-то, барахлить стал. Врач говорит, до инфаркта недалеко, лежать, мол, надо. Так ведь лежал, лежал уж, сколько мог, а тут думаю, Лена придет на обед, а я вот тут, трошки по мужской линии. И все это было настолько трогательно, настолько с любовью, что Катя подумала: Есть, есть эта любовь! Настоящая! От которой в озноб тебя бросает. От, которой, и в преддверии инфаркта, лежать не хочется. А все хочется, трошки по мужской линии. Счастливая Ленуся! Ой, какая же она счастливая!

Девушка постояла еще минутку и вышла на улицу. Длинная, предлинная, улица уходила далеко в гору и, как бы проваливаясь куда-то в обрыв, опускалась в ложину. Все добротные дома, некоторые в два, а то и в три уровня. Разноцветье крыш. Шифер и черепица – зеленой, красной, фиолетовой, голубой и даже розовой расцветки и в одну струнку, зеленый с белым, забор. Как будто один человек построил эти все дома и загородил единым забором. В палисадниках розы, розы, розы. Чайные, парковые, вьющиеся, плетистые. Ранние уже цвели, распространяя вокруг аромат, ни с чем несравнимый, сладкий и бесподобно замечательный. Потом будут флоксы, георгины, канны и хризантемы. И все это мощное, крупное, зеленое.

Вдали виноградники, виноградники, виноградники без края; бахча, плантации помидор.

Она шла по улице, приветствуя старушек, сидящих на скамеечках; ее приветствовали. Слышала за спиной: Вот ведь девчонка прижилась, не меняет наше море на заморские. А уж красавицей стала, что тебе принцесса. На любую Сиселу не грех, а то и на Таитю, или ишо куда. А вот нет же, наша голубушка – кормилица, ей кабыть, больше глянулась. Да, она ведь и самая лучшая и есть; самая тёплая, самая ласковая. И, воистину, кормилица, чтобы ни говорили.

К Ленке та, голубка приехала, дак она, самая родная то и осталась, после Ритки.

Кэт ускорила шаги, чтобы не слышать дальнейший разговор, дошла до центра – где рассыпались палатки, магазины и магазинчики; больница, дом культуры, дом отдыха, дом рыбака, да и много чего еще. Кафе, рестораны и всякие модные, увеселительные заведения. Отдыхающих почти не было, все на море. Почти большинство людей, не глядя ни на какие проблемы, связанные с обжигающим действием солнца, этого великого и лютого хищника, пожирающего всю живую плоть в середине лета, идут на пляж в любое время дня.

Нет. Нет. Ей это ни к чему, хотя бы, впервые дни приезда. Она купила себе крем для загара, боясь, что сразу же сгорит, и тогда прощай пляж. Можно будет только ночью купаться, словно русалка, да мешать влюблённым парочкам. Нет, нет – нужно подойти к загару со всей ответственностью. Она по детству знала, что такое ожог или перегрев на солнце. Уж лучше не спеша, время у нее есть.

Генеральный директор фирмы «Домос», где она работает, любил ее отеческой любовью и не потому, что папин друг был. И всегда говорил: Ну почему, у меня только эти оболтусы, сыновья? Ну не дал бог дочь, так хоть бы, байбаки эти – то, были бы приличные. Вышла бы ты за одного моего замуж, вот и дочка у меня была бы. Так нет же. Дал бог оборотов, да ещё же и не очень они с головой дружат. Одни гульки на уме, так и те не в дело. Ноги длинные, голова круглая и большая, а ума в ней очень мало. А ведь добавить то, поди, же ты, нельзя. Вот деньги есть, если их нет, можно заработать, а ума, если нет, ни купишь, ни займёшь.

Ты дочка, если что надо, давай без стеснения говори. Я ведь знаю, ты метеор, если отдохнешь, наверстаешь вдесятеро. Твоему хахалю, я знаю что сказать, а сама уж ты там гляди, как решишь, так и объясни. Человек ведь если сломается, то починить его не всегда получается, это в машине заменил деталь, она и побежала опять. Ты девочка держись, а я не подведу, будь уверена. Ни о чем не беспокойся. Время до массовых отпусков еще терпит, так что, отдохни родная, у тебя вся жизнь впереди, еще наработаешься. И она решила для себя, что отдыхать, так уж по полной, а не так себе.

Когда вернулась домой, Лена уже пришла на обед, доила Красулю. Михайло не было, но Лена вся светилась. Ой, Ленуська, да ты как – будто не с плантации, да под корову, а прямо со свидания, да на танцы, – сказала Катюша и засмеялась, задумавшись, радуясь счастью этой доброй женщины.

Да видно хватит уж мужика водить за нос, сколько можно издеваться; а то откажется от меня и останусь я, в девках, – хохотала в такт ей, под коровой Лена. Вот приедут дети в июле, буду говорить с ними, да и пусть казак переходит ко мне. А ты гляди не думай ничего, как ездила, так и чтоб каждый год, как по писаному, к нам. Ведь он и тебя любит, как моих детей. Он ведь такой, Михайло, или любить или ненавидеть, так уж на всю катушку, так уж до смерти. И она счастливо рассмеялась, сверкнув белизной зубов.

Процедив молоко в глиняный кувшин, крикнула: Катеринка, поставь молоко в холодильник. Придешь с моря то, а твое любимое молоко в кувшине, уже как лед. Я ведь не забыла, что только в кувшине. Ах, девонька моя, какая же ты умница, что приехала – то ко мне. Теперь ведь молодежь, больше по заграницам катается, вон мои, о Турции все заговаривают, а ты не предаешь свою красавицу, своё Чёрное – синее море. Вот так, наверное, и в любви к мужчине, будешь верна навек.

Ну, к столу, к столу, давай обедать; а то байками то кормлю, а ты, поди, уж голодная. С утра, небось, больше ничего и не ела. Вон виноград достала, какой ты любишь, дамские пальчики; уж и урожай был в прошлом году, лоза ломалась, такие гроздья были. А вот помидорчики, принесла только что. Вкусные, хоть и не видели, еще солнышка настоящего, как следует. Они, разговаривая, накрывали на стол. Катюша, помогая хозяйке, все думала, что Ленуська начнет сейчас, тоже да про то же. Но Лена, пригласив девушку к столу, ни о чем таком ее не спрашивала, ее разговор был, просто ни о чем: О море, об урожае помидор, о погоде.

О запретном, она ни словом не обмолвилась, просто она была настоящей матерью. Да ведь и свое еще не зарубцевалось, только-только стало затягиваться, тоненькой пленочкой. Она хорошо знала, что это такое, потерять родного человека, а тут ещё и не одного. Да, и это же, не кто иной, а любимые родители, дороже их нет никого на свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.